

Френсис Скотт Фицджеральд Зимние мечты

1

Многие из мальчишек, которые таскали за играющими клюшки и отыскивали им мячи, были беднее бедного и ютились в однокомнатных домишках с худосочной коровой во дворе, но отец Декстера Грина владел вторым по величине бакалейным магазином в поселке Черного Медведя - первым считался "Рог изобилия", где делали покупки отдыхающие в Шерри-Айленде богачи, - и Декстер только подрабатывал в гольф-клубе себе на карманные расходы.

Осень кончалась холодами, непогодой, долгая зима, точно огромное белое одеяло, падала на Миннесоту, и тогда Декстер бегал на лыжах по полю для игры в гольф, которое теперь покрывал снег. Природа в эту пору наводила на Декстера тоску: он страдал, что здесь такая мерзость запустения, на дорожках и лунках хозяйничают только тощие взъерошенные воробьи. И угнетало, что на метках, где летом вьются разноцветные флажки, торчат из сугробов лишь обросшие ледяной коркой песочные ящики. Ветер пробирал Декстера до костей, иногда светило солнце, и он шел, жмурясь от его плоского пронзительного света.

В апреле зима вдруг кончилась. Снег стекал в Медвежье озеро, призывая истосковавшихся любителей гольфа с их красными и черными мечами открыть сезон. Не было победного звона капели, не было восторга в душе - холода просто кончались, и все.

Декстер чувствовал, как ушибна эта северная весна и как великолепна осень. Осенью он в волнении сжимал руки, твердил про себя какую-то чепуху и вдруг повелительно взмахивал рукой, точно отдавал приказания незримым армиям и народам. Октябрь приносил с собой надежды, которые к декабрю наполнялись ликующим торжеством, и тут мелькающие в памяти яркие картинки шерри-айлендского лета оказывались как нельзя более кстати. Вот он чемпион страны по гольфу, он наголову разбивает мистера Т.-А.Гедрика, выигрывая у него партию, которую он в воображении разыгрывал сотни раз, каждый раз без устали меняя весь ее ход, - то он одерживал победу шутя, то лишь в последние минуты ему удавалось сравнять счет и вырваться вперед. Вот он выходит из собственного автомобиля марки "пирс-эрроу", как у мистера Мортимера Джонса, и с гордым видом шествует в гостиную Шерри-Айлендского гольф-клуба. Вот он перед толпой восхищенных зрителей прыгает с вышки в озеро и делает в воздухе сальто. Из толпы, раскрыв рот от изумления, на него глядит мистер Мортимер Джонс.

А однажды мистер Джонс - не воображаемый, а живой, из плоти и крови, и впрямь подошел к Декстеру и со слезами на глазах сказал, что Декстер самый лучший кэдди во всем клубе, он просит Декстера не уходить, а уж он, мистер Джонс, в долгу не останется, потому что все другие мальчишки, пропади они пропадом, потеряли у него по столько мячей, сколько на поле лунок, не меньше...

- Нет, сэр, - решительно ответил Декстер, - я больше не хочу бегать за мячами. - И, помолчав, добавил: - Вышел я уже из того возраста.

- Да тебе, наверно, нет и четырнадцати. Почему, черт возьми, ты решил уйти как раз сегодня? Ты же обещал поехать со мной на той неделе на состязания.

- Нет, сэр, я уже решил. Вышел я из того возраста.

Декстер сдал инструктору свой значок "Кэдди первого класса", получил что ему причиталось и отправился домой, в поселок Черного Медведя.

- Черт побери, такой кэдди! Ни одного мяча не потерял! Старательный! Ловкий! Скромный! Благодарный! Честный! - причитал вечером мистер Мортимер Джонс, размахивая стаканчиком с виски.

А виной всему этому была девочка одиннадцати лет, прелестный гадкий утенок, какими бывают иногда девочки, которым через несколько лет суждено расцвести неизъяснимым очарованием и причинить неслыханные муки великому множеству мужчин. Это ее очарование уже угадывалось. Было что-то смутно бесовское в улыбке, кривящей книзу уголки ее губ, в чуть ли не страстном, прости меня, господи, взгляде ее глаз. Жизненные силы просыпаются в таких женщинах рано. Уже сейчас они переполняли это худенькое угловатое существо и рвались наружу.

От нетерпения она пришла на поле ровно в девять утра в сопровождении бонны в белом накрахмаленном платье, которая несла парусиновую сумку с пятью маленькими новыми клюшка-

ми. Декстер увидел ее возле раздевалки, она сильно конфузилась и, чтобы скрыть это, неестественным голосом болтала с бонной, украшая беседу поразительно неуместными гримасками.

- Сегодня такой чудесный день, - услышал Декстер. Она опустила уголки губ, улыбнулась и украдкой бросила вокруг себя взгляд, скользнув им мимолетно по Декстеру. Потом обратилась к бонне: - По-моему, здесь сегодня не очень много народу, правда, Хильда?

И снова наградила ее улыбкой - ослепительной, вопиюще фальшивой, чарующей.

- И что же нам теперь делать? - спросила бонна, рассеянно озираясь.

- Пустяки! Сейчас я все устрою.

Декстер стоял, приоткрыв рот, боясь шелохнуться. Он понимал: шагни он вперед - она тут же заметит, что он уставился на нее, шагни назад - ему будет не так хорошо видно ее лицо. Он не сразу сообразил, какая она еще маленькая. Потом вспомнил, что видел ее несколько раз в прошлом году - в детском комбинезоне. Неожиданно у него вырвался резкий, короткий смешок, испугавший его самого, и он быстро зашагал прочь.

- Мальчик...

Декстер остановился.

- Мальчик!

Без сомнения, она звала его. Мало того, ему предназначалась эта нелепая, ни на что не похожая улыбка - улыбка, которую столько мужчин будут вспоминать и в старости.

- Мальчик, вы не знаете, где сейчас тренер?

- Он дает урок.

- А где можно найти инструктора?

- Инструктор еще не пришел.

- А-а. - Она на минуту растерялась. Переступила с ноги на ногу, постояла, опять переступила.

- Нам нужен кэдди, - сказала бонна. - Миссис Джонс послала нас играть в гольф, но мы же не можем без кэдди...

Под грозным взглядом мисс Джонс она осеклась, но за взглядом сейчас же последовала уже знакомая ему улыбка.

- Кэдди ни одного нет, только я, - сказал Декстер бонне, - а я здесь за старшего, пока не придет инструктор.

- А-а.

Мисс Джонс удалилась со своим эскортом на приличествующее расстояние, и между ними завязалась оживленная беседа, в завершение которой мисс Джонс схватила одну из клюшек и швырнула на землю. Видимо, этого ей показалось мало, она подняла клюшку и хотела ударить бонну в грудь, но та вцепилась в клюшку и вырвала ее из девочкиных рук.

- Мерзкая старая уродина! - в бешенстве закричала мисс Джонс.

Они с бонной снова заспорили. Декстер сознавал, до чего комична эта сцена, его душил смех, но он сдерживался, чтобы не рассмеяться вслух. И не мог отделаться от несуразной мысли, что поведение девочки оправдано.

Неизвестно, чем бы все кончилось, не пояись инструктор, к которому и поспешила обратиться бонна:

- Мисс Джонс нужен кэдди, а этот мальчик отказался.

- Мистер Мак-Кенна велел мне не отлучаться, пока вы не придете, быстро сказал Декстер.

- А вы как раз и пришли. - Мисс Джонс лучезарно улыбнулась инструктору. Потом кинула на землю сумку и с царственным видом направилась к первой метке.

- Ну? - инструктор повернулся к Декстеру. - Что ж ты стоишь как истукан? Бери клюшки и ступай за барышней.

- Нет, сегодня я не буду работать.

- Что?! Не будешь...

- Я вообще не буду здесь больше работать.

Решение было столь чудовищно, что Декстер испугался. В клубе он был нарасхват, да и где еще в окрестностях озера ему удастся зарабатывать все лето по тридцать долларов в месяц? Но он

только что перенес душевное потрясение, и его смятенные чувства требовали, чтобы он сейчас же совершил что-то отчаянное, бесповоротное.

Впрочем, на самом деле все было куда сложнее. Как еще не раз случится в будущем. Декстер принял решение, бессознательно повинувшись своим зимним мечтам.

2

Шло время, и мечты его, конечно, менялись, но узор, который они оплетали, оставался неизменным. Из-за них он через несколько лет отказался поступить в коммерческий колледж Миннесотского университета - его отец преуспевал и вполне мог содержать там сына - и предпочел сомнительные преимущества, которые давало образование в одном из старых и куда более известных университетов на Востоке, где ему с его скромными средствами пришлось нелегко. Но не думайте, что этот юноша был всего лишь сноб, хотя поначалу в его зимних мечтах богатые занимали так много места. Он хотел быть не возле чьей-то роскоши и блеска - он хотел владеть роскошью и блеском сам. Порой он стремился к самому лучшему, не всегда понимая, зачем оно ему, и тут наталкивался на те непостижимые преграды и запреты, которые так щедро выставляет перед нами жизнь. Об одном из таких столкновений и пойдет наш рассказ, а вовсе не о его жизненном пути в целом.

Он нажил состояние. И каким удивительным способом! Окончив университет, он поселился в том городе, чьи богачи ездят отдыхать на озеро Черного Медведя. Через два года о двадцатитрехлетнем Декстере уже говорили: "Этот молодой человек далеко пойдет". Вокруг него отпрыски богатых родителей беспечно проматывали наследство, или вкладывали его в сомнительные предприятия, или корпели над двадцатитомным курсом экономики, а Декстер занял под залог университетского диплома и собственного красноречия тысячу долларов и купил долю в прачечной.

Прачечная в то время была маленькая, но Декстер изучил, как в Англии стирают шерстяные носки для гольфа, чтобы они не садились, и через какой-нибудь год все любители спорта уже пользовались его услугами. Мужчины непременно хотели, чтобы их носки и свитеры стирались в прачечной Декстера, так же как раньше они непременно хотели играть с кэдди, который отыскивает все мячи. А потом ему стали отдавать свое белье их жены, и у прачечной появилось пять филиалов в разных концах города. Двадцати шести лет от роду Декстер был владельцем самой большой сети прачечных в их штате. И как раз тогда он все продал и переехал в Нью-Йорк. Но наш рассказ пойдет о тех днях, когда он только начал по-настоящему утверждаться в жизни.

Когда ему было двадцать три года, мистер Гарт - один из тех почтенных, седовласых мужей, что любили повторять: "Этот молодой человек далеко пойдет", - пригласил его как-то на конец недели в Шерри-Айлендский гольф-клуб, и вот в один прекрасный день Декстер вписал свое имя в книгу гостей и перед обедом играл в гольф двое против двух с мистером Гартом, мистером Сэндвудом и мистером Т.-А.Гедриком. Он не счел нужным сообщать им, что когда-то носил по этому самому полю клюшки за мистером Гартом и что он с закрытыми глазами найдет на нем любую кочку и канаву, однако поймал себя на том, что то и дело поглядывает на четырех кэдди, приставленных к ним, пытаясь уловить какой-нибудь жест, выражение, которое напомнило бы ему себя и помогло соединить настоящее с прошлым.

Странный это был день, с мгновенными наплывами знакомых картин и ощущений. То вдруг он чувствовал себя самозванцем, а через минуту остро ощущал свое превосходство над мистером Т.-А.Гедриком, который оказался на редкость скучным стариком и даже в гольф играл не так хорошо, как прежде.

Возле пятнадцатой лунки мистер Гарт потерял мяч, и благодаря этому произошло событие необычайной важности. Пока они искали мяч в жесткой короткой траве, из-за пригорка сзади донесся звонкий возглас: "Бью!" Все разом обернулись, и тут из-за пригорка вылетел яркий новенький мяч и угодил мистеру Гедрику прямо в брюшной пресс.

- Ну, знаете! - возмутился мистер Т.-А.Гедрик. - Это уже переходит всякие границы. Коего из этих сумасшедших дам следовало бы удалить с поля.

Голос спросил: "Можно обогнать вас?" - и одновременно над пригорком показалась голова.

- Вы попали мне в живот! - с негодованием заявил мистер Гедрик.

- Что вы говорите? - Девушка подошла ближе. - Прошу прощения. Но ведь я же крикнула:

"Бью!"

Она мельком оглядела мужчин и стала озабоченно высматривать мяч в траве возле лунки.

- Далеко, видно, отлетел. Кто бы мог подумать?

Трудно было понять, насмехается она или говорит это в простоте душевной. Впрочем, все сомнения на этот счет тут же исчезли, потому что на пригорке появился ее партнер и она весело ему закричала:

- Я здесь! Я бы попала прямо в лунку. Только мяч обо что-то" стукнулся.

Пока она готовилась бить, Декстер успел рассмотреть ее. На ней было голубое ситцевое платье с чем-то белым вокруг шеи и на плечах, и это белое оттеняло загар. Угловатость и худоба, которые в одиннадцать лет так не вязались со страстным блеском глаз и опущенными уголками губ, исчезли. Она была ослепительно хороша. По лицу разлит румянец, как свет на картине, даже не румянец, а живое трепетное тепло, такое неверное, что, кажется, оно лишь сейчас вспыхнуло и вот-вот погаснет. Этот румянец и подвижный рот вызывали ощущение страстной энергии, бьющей через край жизни, пылкого темперамента, которое лишь слегка смягчалось печалью ее прекрасных глаз.

Резким небрежным ударом она послала мяч в ров с песком на другом конце площадки, бегло, неискренне улыбнулась, бросила безразличное "Спасибо!" и пошла к следующей отметке.

- Ох, уж эта мне Джуди Джонс, - проворчал мистер Гедрик, когда она взяла клюшку и все они дожидались - довольно-таки долго, - пока она пробьет по мячу. - Сечь бы ее каждый божий день полгодика или год, а потом выдать замуж за кавалерийского капитана старой закалки.

- Что вы, такую красавицу! - сказал мистер Сэндвуд, которому было едва за тридцать.

- Красавицу! - презрительно фыркнул мистер Гедрик. - Эта красавица только что не просит: "Ах, поцелуйте меня!" Зыркает своими глазищами, ни одного младенца в городе не пропустила.

Вряд ли мистер Гедрик намекал, что ею движет материнский инстинкт.

- Она могла бы прекрасно играть в гольф, если бы захотела, - сказал мистер Сэндвуд.

- В ее игре совершенно нет стиля, - мрачно возразил мистер Гедрик.

- Зато в ней самой его хоть отбавляй, - сказал мистер Сэндвуд.

- Скажите лучше спасибо, что у нее не такой уж сильный удар, - сказал мистер Гарт и подмигнул Декстеру.

Потом был закат в буйном полыхании золота и ало-голубых красок, и наступила душная ночь, полная летних шорохов и звуков. Декстер сидел на веранде гольф-клуба, глядел, как под легким ветерком слабо рябит вода серебряная патока в лучах полной луны. Но вот луна поднесла к губам палец - и ветер утих, озеро стало зеркальным и светлым, как пруд. Декстер надел купальный костюм, поплыл к дальнему плоту и, мокрый, лег на влажную парусину трамплина.

Плескала рыба, высоко в небе сияла звезда, горели огни вокруг озера. С темного мыса неслись звуки рояля, кто-то играл мелодии, которыми все увлекались прошлым и позапрошлым летом, - из "Осенних маневров", "Графа Люксембурга", "Отпускного солдата", - Декстер лежал не шевелясь и слушал, потому что звуки рояля над водой ему особенно нравились.

Веселая эта мелодия только-только входила в моду пять лет назад, когда Декстер учился на втором курсе. Ее играли однажды на студенческом балу, а для него тогда балы были недоступной роскошью, и он стоял под окнами и слушал. Сейчас эта мелодия захлестнула его ликованием, и сквозь ликование он подумал о том, чего он достиг. Он с необыкновенной ясностью сознавал, что наконец-то попал в такт с жизнью и что никогда, быть может, мир не откроется ему в таком сверкающем великолепии, как этой ночью.

Вдруг длинная светлая тень отделилась от темного берега, рассыпав в воздухе дробный стук мотора. За тенью по воде побежали две расходящиеся белые полосы, и вот уже лодка пронеслась мимо, заглушив брэнчание рояля шумом вспененных брызг. Декстер приподнялся на руках и увидел лишь фигуру у руля и темные глаза, которые глядели на него с быстро удаляющейся лодки. Лодка вынеслась на середину озера и стала бесцельно описывать огромные пенные круги. Потом один из кругов столь же необъяснимо выпрямился и полетел к плоту.

- Кто тут? - крикнула она, выключив мотор. Она была сейчас так близко, что он мог даже рассмотреть ее купальный костюм - розовый и без юбочки.

Лодка ткнулась носом в плот, чуть не перевернув его, и Декстера швырнуло к девушке.

Он и она с разной степенью интереса узнали друг Друга.

- Кажется, это вас мы сегодня обогнали? - спросила она.

- Да.

- А вы моторной лодкой править умеете? Если умеете, сядьте, пожалуйста, за руль, а я покажусь на доске. Меня зовут Джуди Джонс... - Она улыбнулась кривой, нелепой усмешкой - вернее, это ей казалось, что она улыбается криво и нелепо, потому что, как бы она ни кривила свой рот, улыбка ее не могла быть несуразной, она была только пленительной. - Я живу вон там, в Шерри-Айленде, и дома меня ждет один человек. Когда он подъехал, я села в лодку и уплыла. Не надо было ему говорить, что я его идеал.

Плескала рыба, высоко в небе сняла звезда, горели огни вокруг озера. Декстер сидел рядом с Джуди Джонс, и она объясняла ему, как управлять ее лодкой. Потом она прыгнула в воду и гибко поплыла к доске. Смотреть на нее было легко - как на летящую чайку, как на гнущееся под ветром дерево. Ее загоревшие до черноты руки гибко мелькали среди тусклой платины волн, вот над водой появляется локоть, потом предплечье и кисть в стекающих каплях, она выносит руку вперед и с размаху вонзает в воду.

Берег был далеко; Декстер посмотрел назад - она уже взобралась на доску и стояла на коленях, передний край доски торчал высоко над водой.

- Быстрее, - попросила она, - как можно быстрее.

Он послушно нажал на рычаг, и тотчас перед лодкой вскипел белый пенный фонтан. Когда он снова обернулся, девушка стояла на летящей доске во весь рост, широко раскинув руки и подняв лицо к небу.

- Ужасно холодно! - крикнула она. - Как вас зовут?

Он сказал.

- Приходите к нам завтра обедать!

Сердце его повернулось, как штурвал лодки, и во второй раз ее случайный каприз изменил все течение его жизни.

3

На следующий день вечером, дожидаясь, пока она сойдет вниз, Декстер населял сумрачную, всю в коврах, гостиную и примыкавшую к ней стеклянную веранду молодыми людьми, которые любили Джуди Джонс раньше него. Он знал, какого рода молодые люди ухаживают за ней - они поступали в университет, где он учился, из привилегированных школ, безупречно одетые, с ровным, здоровым загаром. Он тогда еще понял, что в чем-то эти молодые люди ему уступают. Он был полнокровнее их, сильнее. И все же он признался себе, что видит своих детей такими, как они, а значит, признал и другое - что он всего лишь грубый, мощный корень, от которого они извечно берут свое начало.

Когда пришло его время носить элегантные костюмы, он уже знал лучших портных Америки, и эти лучшие портные Америки сшили ему костюм, который был на нем сейчас. Он держался строго и сдержанно, что всегда отличало питомцев его университета. Он оценил, как полезна ему может быть эта сдержанность, и усвоил ее: он понимал, что для непринужденности в манерах и одежде требуется большая уверенность в себе. Что ж, этой уверенностью будут обладать его дети. Мать Декстера в девичестве звалась Кримелих, она была дочь крестьянина из Богемии и до конца дней плохо говорила по-английски. Ее сыну не следует забегать вперед.

Джуди спустилась в начале восьмого. На ней было голубое шелковое платье, довольно скромное, и он в первую минуту пожалел, что она не надела вечернего. Разочарование усилилось, когда она, коротко поздоровавшись с ним, подошла к двери буфетной, открыла ее и сказала: "Марта, можете подавать". Он-то воображал, что дворецкий объявит "Кушать подано", что перед обедом будут коктейли. Но он об этом забыл, едва они сели и принялись рассматривать друг друга.

- Папы с мамой нет, - сказала она, думая о чем-то своем.

Он помнил последнюю встречу с ее отцом и обрадовался, что родителей не будет - они, вероятно, стали бы спрашивать, кто он и откуда. Декстер родился в деревушке под названием Кибл,

милях в пятидесяти от озера, и всегда говорил, что он не из поселка Черный Медведь, а из Кибла. Не очень-то приятно сообщать людям, что ты вырос в городке, который так некстати находится рядом и на виду у всех обслуживает фешенебельный курорт.

Разговор зашел об университете, где он учился, а она в последние два года часто бывала на балах, и о городе, откуда в Шерри-Айленд приезжали отдыхать именитые горожане и куда Декстеру предстояло завтра вернуться к своим процветающим прачечным.

За обедом она вдруг впала в мрачное уныние, и Декстер растерялся. Малейшая нотка раздражения в ее грудном голосе огорчала его. Когда она улыбалась - ему, куриной печенке, каким-то своим мыслям, - у него сжималось сердце, потому что в ее улыбке не было радости, не было даже оживления. Когда алые уголки ее губ изгибались вниз, казалось, что губы не улыбаются, а зовут к поцелую.

После обеда она вывела его на темную веранду и искусно переменяла тон.

- Можно я немножко поплачу? - спросила она.

- Боюсь, вам скучно со мной, - быстро отозвался он.

- Ничуть. Вы очень славный. Но у меня сегодня был ужасный день. Мне нравился один человек, а он возьми да признайся, что у него за душой ни гроша. Прямо как гром среди ясного неба. Раньше об этом никогда не было речи. Я, наверное, кажусь вам ужасно корыстной?

- Может быть, он боялся сказать вам?

- Может быть. Но он с самого начала сделал ошибку. Понимаете, если бы я знала, что он беден... да я столько раз бывала влюблена в бедняков и за всех за них не шутя собиралась замуж. Но тут мне и в голову не приходило, что у него ничего нет, а нравился он мне не так уж сильно, вот я и не выдержала такого удара. Если бы девушка вдруг ни с того ни с сего объявила своему жениху, что она вдова! Может быть, он ничего не имеет против вдов, но все-таки... Не будем делать ошибки в самом начале, - неожиданно прервала себя она. - Вообще-то вы кто?

Декстер на миг заколебался. Потом решительно сказал:

- Пока никто. У меня все еще в будущем.

- Вы бедны?

- Нет, - честно признался он. - Наверное, никто из моих сверстников на всем Северо-Западе не зарабатывает столько, сколько я. Мне неловко об этом говорить, но ведь вы сами не хотели начинать с ошибки.

Наступило молчание. Но вот уголки ее губ изогнулись в улыбке, она неуловимым движением качнулась к Декстеру, глядя ему в глаза. У Декстера прервалось дыхание, он замер в ожидании - сейчас он испытает неизведанное, в их поцелуях таинственно возникнет нечто, чего нельзя предсказать, нельзя предсказать. И так оно и случилось - она передала ему свой пыл щедро, безудержно, поцелуями, которые были не обещанием, а свершением. Они вызывали не бесконечно возрождающийся голод, а ничем не утоляемое пресыщение... они, как милостыня, лишь множили просьбы, потому что отдавали все без остатка.

Через час Декстер был убежден, что полюбил Джуди Джонс еще гордым, честолюбивым подростком.

4

Вот как все началось - и продолжалось в том же духе, то разгораясь, то затухая, до самой развязки. Декстер отдал себя во власть самого непосредственного и беспринципного существа, какие только ему доводилось знать. Если Джуди чего-то хотела, она шла к своей цели напролом, пуская в ход все свои чары. Приемы ее не отличались разнообразием, она не выжидала выгодной для себя минуты, не рассчитывала заранее ходов - мысль в ее увлечениях принимала очень слабое участие. Она просто заставляла мужчин почувствовать все обаяние своей телесной красоты. Декстер и не хотел ее переделывать. Ее недостатки были одно со страстной энергией, которая оправдывала их и возвышала.

Когда в тот первый вечер голова Джуди лежала на его плече и она шептала: "Не понимаю, что со мной. Вчера мне казалось, я влюблена в одного, сегодня мне кажется, я влюблена в вас...", это было прекрасно и романтично. Какое восхитительно переменчивое создание принадлежит сейчас ему! Но неделю спустя это ее качество представилось ему уже в другом свете. Она повезла

его в своем автомобиле на пикник, а после ужина исчезла, опять же в своем автомобиле, с другим. Декстер был раздавлен и лишь через силу заставил себя отвечать, когда к нему обращались. Потом она уверяла его, что не целовалась с тем, другим, но он знал, что она лжет, и все-таки обрадовался, что она взяла на себя труд лгать ему.

Лето еще не кончилось, когда он обнаружил, что, кроме него, за Джуди ухаживают, постоянно сменяя друг друга, еще десятка полтора поклонников. Каждый из них в свое время пользовался ее исключительным расположением половине она до сих пор скрашивала жизнь эпизодическими вспышками нежности. Заметив, что поклонник захирел без поощрения и вот-вот выйдет из игры, она дарила ему несколько упоительных минут, после чего он томился еще год, а то и дольше. Джуди совершала эти вылазки против незащищенных и отчаявшихся незлобно, она даже вряд ли вообще сознавала злокозненность своего поведения.

Когда в городе появлялся кто-то новый, все остальные сразу же получали отставку - свидания автоматически отменялись.

Бороться с этим было бессмысленно, потому что действовала она сама. Джуди была не из тех девушек, кого можно "покорить", приложив усилия, - ум против нее был бессильно, бессильно было обаяние; если ее начинали штурмовать слишком упорно, она немедленно переводила роман на чисто чувственную основу, и такая сила была в ее неотразимой красоте, что и самым блестящим, и самым упорным приходилось принимать ее правила игры и отказываться от собственных. Джуди занимало только одно - возможность добиваться своего, утверждая силу собственных чар. Наверное, ее окружало слишком много юного поклонения, слишком много юных поклонников, и, защищаясь от них, она научилась не нуждаться ни в ком, кроме самой себя.

Упоение первых дней сменилось у Декстера тревогой и разочарованием. Растворяясь в Джуди, он чувствовал, что этот его беспомощный экстаз не исцеляет, а лишь дурманит, как наркотик. К счастью для его работы, в ту зиму такие минуты экстаза перепадали ему не часто. Какое-то время в начале их знакомства казалось, что влечение их сильное и взаимное, - например, те три дня в августе, три долгих вечера в темноте ее веранды, странные, обессиливающие поцелуи днем, в затененных комнатах или в саду, в увитых зеленью беседках, три утра, когда она была свежа, как заря, и в разгоравшемся свете дня встречала его взгляд почти с робостью. Он был счастлив, как жених, и оттого, что не был женихом, лишь острее ощущал свое счастье. В один из тех дней он впервые попросил ее стать его женой. Она сказала: "Может быть, когда-нибудь...", потом: "Поцелуй меня", потом: "Как я хочу быть твоей женой", потом: "Я люблю тебя", потом... потом она уже ничего не говорила.

На четвертый день приехал какой-то ее знакомый из Нью-Йорка и прогостил в их доме до середины сентября. К невыразимой муке Декстера, поползли слухи, что она с ним обручилась. Молодой человек был сыном президента какого-то концерна. Но через месяц стало известно, что Джуди скучает. На одном балу она просидела весь вечер в моторной лодке с одним из своих местных поклонников, а нью-йоркский гость носился по клубу и искал ее. Местному поклоннику она сказала, что гость ей до смерти надоел, и через два дня гость уехал. Ее видели с ним на вокзале и потом рассказывали, что вид у него был вполне похоронный.

Так кончилось лето. Декстеру было двадцать четыре года, и с каждым днем его возможности становились все шире. Он вступил в два городских клуба и в одном из них поселился. В отличие от многих своих сверстников он не сделался завсегдатаем клубных балов, но на те балы, где могла появиться Джуди Джонс, всегда заглядывал. Ему были бы рады в лучших домах города он считался хорошей партией, и преуспевающие дельцы с дочерьми на выданье очень его привечали. А то, что Декстер открыто исповедовал преданность Джуди Джонс, завоевывало ему еще большее уважение. Но он не стремился к светским успехам и презирал молодых людей, которые толкуются на танцах по четвергам и субботам и не прочь отобедать с молодыми супружескими парами, если кого-то не хватает для ровного счета. Декстер уже подумывал о том, чтобы перебраться на Восток - в Нью-Йорк. И Джуди Джонс он был намерен увезти с собой. Как ни сильно было его разочарование миром, где она выросла, противостоять ее очарованию он не мог.

Запомним это, иначе нам не понять, на что он пошел ради нее.

Через полтора года после того, как Декстер познакомился с Джуди Джонс, он сделал пред-

ложение другой девушке. Звали эту девушку Айрин Ширер, и ее отец был одним из тех столпов города, кто с самого начала прочил Декстеру большое будущее. Айрин была милостивая, склонная к полноте блондинка, скромная и положительная, у нее было два серьезных претендента, но, когда Декстер попросил ее руки, она их деликатно отдала.

Лето, осень, зиму, весну, еще одно лето и еще одну осень отдал Декстер неумным губам Джуди Джонс. Она платила ему поощрением, интересом, коварством, равнодушием, насмешкой. Она заставила его пережить множество мелких обид и унижений, как бы мстя за то, что когда-то он мог ей нравиться. Заманив его, она тут же начинала зевать от скуки, манила снова, и в нем закипали горечь и гнев. Она дала ему величайшее счастье и причинила невыразимые муки. Чем только он ради нее не поступался, на какие только жертвы не шел. Она его оскорбляла, топтала его ногами, заставляла пренебрегать ради нее работой - просто так, для забавы. Но вот одного она не делала никогда - она его не критиковала, а все потому, думал он, что не хотела замутить того безграничного и вполне искреннего равнодушия, которое к нему проявляла.

Пришла и снова ушла осень, и он в первый раз подумал, что Джуди Джонс не для него. Долго ему пришлось убеждать себя в этом, но наконец он смирился. Лежа ночью в постели, он часами спорил с собой. Вспоминал обиды и неприятности, которые ему пришлось из-за нее пережить, разбирал, почему жена из нее получилась бы хуже некуда. Потом признавался себе, что любит ее, и на том засыпал. Целую неделю он одержимо занимался делами - чтобы ему не слышался ее грудной голос по телефону и не виделась за столиком напротив ее глаза, - а вечером садился у себя в кабинете за стол и обдумывал планы на долгие годы вперед.

Через неделю он поехал в клуб и во время танцев всего один раз перехватил Джуди у ее кавалера. Наверное, впервые за все время их знакомства он не попросил ее посидеть с ним в саду и не сказал ей, как она хороша. Он огорчился, что она этого и не заметила, - но и только. Он не почувствовал ревности, увидев, что сегодня у нее опять новый поклонник. Он давно отучил себя ревновать.

На вечере он пробыл долго. Больше часу сидел возле Айрин Ширер и говорил с ней о литературе и музыке. И то и другое он знал очень плохо. Но теперь у него появилась возможность располагать своим временем, и он не без самодовольства считал, что ему, Декстеру Грину, молодому, но неслыханно удачливому дельцу, следует в таких вещах разбираться.

Дело было в октябре, и Декстеру шел двадцать шестой год. В январе он сделал предложение Айрин. О помолвке решили объявить в июне, а в начале осени сыграть свадьбу.

Северная зима тянулась бесконечно, и только в конце апреля подули теплые ветры и в озеро Черного Медведя побежали ручьи. В первый раз больше чем за год Декстер чувствовал что-то вроде успокоения. Джуди Джонс уехала во Флориду, потом в Хот-Спрингс, с кем-то обручилась, расторгла помолвку. Сначала, когда Декстер только что отступился от нее, ему было тяжело, что в городе его все еще связывают с Джуди и постоянно о ней спрашивают, но, когда во время обедов его стали сажать рядом с Айрин Ширер, расспросы прекратились - теперь уже другие рассказывали ему о Джуди. Он перестал быть источником сведений о ней.

И вот наступил май. Декстер бродил вечерами по улицам во влажной, набухающей дождем темноте и думал, что в нем почти не осталось радости, она исчезла так быстро, и так мало для этого понадобилось. Ровно год назад, тоже в мае, Джуди завертела его в водовороте своей непростибельной, и все-таки прощаемой ей безудержности - и он поверил на короткий миг, как верил еще раз или два, что она его полюбила. И эту-то крупицу счастья он отдал за нынешний груз спокойствия! Айрин, он знал, будет для него лишь тень за спиной, голос, разговаривающий с детьми, рука, разливающая чай... восторг и красота исчезли, исчезло волшебство ночей я чудо сменяющих друг друга времен года... прелестных губ с опущенными уголками, которые тянутся к его губам, увлекая в блаженство глаз... Память держала его цепко. Слишком он был силен и полон жизни, чтобы дать своей любви легко умереть.

В середине мая, когда весна несколько дней медлит на шатком мостке, готовясь шагнуть в зрелое лето, Декстер пришел как-то вечером к Айрин. Через неделю объявят об их помолвке, и все примут эту новость как должное. А сегодня вечером они будут сидеть рядом в гостинной Университетского клуба и смотреть на танцующих. Ему было с ней надежно, покойно - она была в городе

всеобщей любимицей, все в один голос восхищались ее достоинствами.

Он поднялся на крыльцо особняка Ширеров и вошел в переднюю.

- Айрин! - позвал он.

Из гостиной вышла миссис Ширер.

- Здравствуйте, Декстер. У Айрин ужасно разболелась голова, она ушла к себе. Она хотела ехать с вами, но я ее уложила в постель.

- Что-нибудь серьезное?

- Нет, пустяки. Завтра утром она будет играть с вами в гольф. А сегодня вы уж ее простите, Декстер.

Она ласково улыбалась ему. Они с Декстером нравились друг другу. Он несколько минут поболтал с ней и простился.

В Университетском клубе, где он жил, он не сразу прошел к себе, а задержался на минутку в дверях, разглядывая танцующих. Прислонился к косяку, кивнул одному приятелю, другому, зевнул...

- Это ты, милый, здравствуй!

Он вздрогнул, услышав рядом знакомый голос. Это Джуди Джонс бросила своего кавалера и подбежала к нему - Джуди Джонс, изящная фарфоровая статуэтка в золотом платье, с золотой лентой в волосах, в золотых туфельках, выглядывающих из-под платья. Она улыбнулась, вспыхнув своим тонким, неверным румянцем. По залу пронеслось дыхание тепла и света. Он судорожно сжал кулаки в карманах смокинга. Его вдруг охватило волнение.

- Когда ты приехала? - спросил он равнодушно.

- Пойдем, я тебе все расскажу.

Она скользнула в дверь, он за ней. Ее не было - и вот она вернулась, от этого чуда он готов был разрыдаться. Где-то далеко она ходила по замороженным улицам, что-то делала, и это кружило голову, как музыка. Все тайны, все пьянящие кровь молодые надежды, которые исчезли вместе с ней, с ее возвращением ожили.

На крыльце она обернулась:

- Твой автомобиль здесь? Если нет, сядем в мой.

- Здесь.

Зашуршало золотое платье. Он хлопнул дверцей. К скольким автомобилям она подходила, садилась вот так, откидывалась на спинку сиденья, клала локоть на дверцу... и ждала. Она бы уж давно запачкалась, если бы кто-то мог испачкать ее - кто-то, кроме нее самой, - но ведь в этом-то и была ее сущность.

Он с усилием заставил себя завести мотор и задним ходом выехал на улицу. Все это ничего не значит, говорил он себе. Она уже не первый раз так с ним поступает, и он вычеркнул ее из своей жизни, как вычеркивает из бухгалтерской книги неправильный расчет.

Он медленно ехал по центру, делая вид, что поглощен своими мыслями: улицы были пустынные, только из кинематографов выходил народ, да возле бильярдных стояли кучки молодых людей чахоточного вида или могучих, как борцы. Звенели стаканы и стучали кулаки по стойкам в барах, которые проплывали мимо островками грязно-желтого света из мутных окон.

Она в упор смотрела на него, и молчание было тягостно, но он не мог осквернить эту минуту банальными словами. У перекрестка он повернул обратно, к Университетскому клубу.

- Ты скучал обо мне? - вдруг спросила она.

- О тебе все скучали.

Интересно, знает ли она об Айрин Ширер, думал он. Ведь она здесь всего один день - его обручение почти совпало с ее отъездом.

- Вот так ответ! - Джуди грустно засмеялась - без всякой грусти. И пылливо посмотрела на него. Он не отрывал глаз от спидометра. - Ты красивей, чем был раньше, - задумчиво сказала она. - У тебя такие глаза, Декстер, их просто невозможно забыть.

Он мог бы рассмеяться в ответ, но он не стал смеяться. Такие комплименты действуют только на первокурсников. И все же сердце у него дрогнуло.

- Мне так все надоело, милый. - Она ко всем так обращалась - "милый", небрежно и друже-

любно, но для каждого была особая, только ему предназначенная интонация. - Давай поженимся.

Это было так в лоб, что он растерялся. Сейчас бы и сказать ей, что он женится на другой, но этого он не мог. Как не мог бы дать клятву, что никогда ее не любил.

- Мне кажется, мы уживемся, - продолжала она тем же тоном, - если, конечно, ты не забыл меня и не влюбился в другую.

Ее самонадеянность была поистине безмерна. Она сейчас, по сути, сказала ему, что никогда такому не поверит, а если он и влюбился, это всего лишь мальчишеская глупость - наверное, он просто хотел досадить ей. Она его простит, потому что это все пустяки, о которых и говорить не стоит.

- Ну конечно, ты мог любить только меня, - продолжала она. - Мне нравится, как ты меня любишь. Декстер, Декстер, неужели ты забыл прошлое лето?

- Нет, не забыл.

- Я тоже.

Что это - искренний порыв или она увлеклась собственной игрой?

- Как бы я хотела все вернуть, - сказала она, и он принудил себя ответить:

- Это невозможно.

- Да, наверное, невозможно... Я слышала, ты всюю ухаживаешь за Айрин Ширер.

Она произнесла это имя без малейшего нажима, но Декстеру вдруг стало стыдно.

- Отвези меня домой, - вдруг приказала она, - не хочу я возвращаться на этот дурацкий вечер, танцевать с этими мальчишками.

Он стал разворачиваться и тут заметил, что Джуди тихо плачет. Он никогда раньше не видел ее слез.

Улица стала светлее, их окружили богатые особняки, и вот наконец белая громада ее дома, дремотно-торжественная, залитая светом яркой, будто только что умытой луны. Внушительность особняка поразила Декстера. Массивные стены, стальные балки, высота, размеры, роскошь лишь оттеняли ее красоту и юность. Дом для того был солидный, прочный, чтобы подчеркнуть ее хрупкость, чтобы показать, какой ураган могут поднять крылья бабочки.

Он сидел как каменный, в страшном напряжении, он знал - стоит ему шелохнуться, и она неотвратимо окажется в его объятиях. По ее мокрым щекам скатились две слезы и замерли, дрожа над верхней губой.

- Я такая красивая, красивей всех, - горестно прошептала она. - Отчего я не могу быть счастлива? - Взгляд ее залитых слезами глаз убивал его решимость... Уголки ее губ медленно опустились с невыразимой скорбью. - Я бы вышла за тебя, если ты меня возьмешь. Наверное, ты думаешь, что я того не стою, но я буду такая красивая, ты увидишь, Декстер.

Гнев, гордость, ненависть, страсть, нежность рвались с его уст потоком упреков и признаний. Потом нахлынула неудержимая волна любви и унесла с собой остатки разума, сомнений, приличий, чести. Его звала она, его единственная, его красавица, его гордость.

- Ты разве не зайдешь? - Она прерывисто вздохнула.

Оба ждали.

- Ну что ж. - Голос у него дрожал. - Зайду.

5

Странно, что когда все кончилось, он ни в первые дни, ни потом, долгое время спустя, ни разу не пожалел о той ночи. И разве важно было через десять лет, что увлечение Джуди длилось лишь месяц. Разве важно было, что, уступив ей, он обрек себя на еще большие мучения, что он оскорбил Айрин Ширер и ее родителей, которые уже приняли его как сына. Горе Айрин было не слишком ярким и не запечатлелось в его памяти.

Декстер был в глубине души реалист. Ему было все равно, как отнесся к его поступку город, - не потому, что он собирался отсюда уезжать, а потому, что посторонние могли судить о нем лишь поверхностно. Мнение общества его ничуть не интересовало. Когда же он понял, что все напрасно, что не в его силах ни затронуть сердце Джуди Джонс, ни удержать ее, он не стал ее винить. Он любит ее и будет любить, пока не состарится, но она не для него. И он изведal высшее страдание, которое дается только сильным, как раньше изведal, хоть и на короткий миг, высшее

счастье.

Даже та смехотворная ложь, которую Джуди придумала, чтобы расстаться с ним - она, мол, не хочет разлучать его с Айрин, - это Джуди-то, которая только того и хотела, - не возмутила его. Он был не способен ни возмущаться, ни иронизировать.

В феврале он уехал на Восток, намереваясь продать прачечные и обосноваться в Нью-Йорке, но через месяц Америка вступила в войну, и это изменило все его планы. Он съездил домой, передал дела компаньону и в конце апреля уже проходил подготовку в первом из учебных лагерей, которые появились в стране. Он принадлежал к тем молодым людям, которые встретили войну чуть ли не с радостью, как избавление от душевной путаницы.

6

Наш рассказ - не история его жизни, вы это помните, хотя порой нам случалось отвлекаться от тех зимних мечтаний, которым он предавался в юности. Мы уже почти простились с ними, да и с ним самим тоже. Осталось только рассказать один эпизод, который произошел семь лет спустя.

Произошел он в Нью-Йорке, где Декстер преуспел, да так, что теперь для него не было ничего недоступного. Ему шел тридцать третий год, и, не считая одной короткой поездки в Миннесоту сразу после войны, он семь лет не был на родине. К нему в контору пришел по делам некто Девлин из Детройта, и тут-то и произошел тот самый эпизод, который и закрыл, так сказать, эту главу и его жизни.

- Стало быть, вы со Среднего Запада, - сказал Девлин не без любопытства. - Забавно: я думал, такие, как вы, рождаются и вырастают прямо на Уолл-стрит. А знаете, жена одного из моих детройтских друзей ваша землячка. Я был шафером у них на свадьбе.

Декстер слушал, не подозревая, что его ждет.

- Джули Симмс, - буднично сказал Девлин, - в девичестве Джуди Джонс.

- Да, я знаю ее. - В нем всколыхнулось глухое нетерпение. Ну конечно, он слышал, что она вышла замуж, - и потом старался ничего больше о ней не слышать.

- Очень славная женщина. - Девлин вздохнул, непонятно чему сокрушаясь. - Мне ее очень жалко.

- Почему? - Декстер мгновенно насторожился.

- Да понимаете, Людвиг катится по наклонной плоскости. Вы не думайте, жестоко он с ней не обращается, но он пьет, развлекается на стороне...

- А она разве не развлекается?

- Нет. Сидит дома с детьми.

- Вот как.

- Старовата она для него, - сказал Девлин.

- Старовата! - вскричал Декстер. - Господь с вами, да ей всего двадцать семь лет!

Его охватило дичайшее желание броситься на улицу, сесть в поезд и ехать в Детройт. Он резко встал.

- Вы, вероятно, заняты, - поспешно извинился Девлин. - Я не учел...

- Нет, я не занят, - сказал Декстер, овладев своим голосом. - Я ничуть не занят. Ничуть. Так вы сказали, что ей всего двадцать семь лет... Нет, это я сказал, что ей двадцать семь лет.

- Да, вы, - безразлично подтвердил Девлин.

- Ну так рассказывайте, рассказывайте.

- О чем?

- О Джуди Джонс.

Девлин обескураженно смотрел на него.

- Да что ж... я уже все рассказал. Обращается он с ней скверно. Но разводиться они, конечно, не собираются. Она прощает даже самые безобразные его выходки. Знаете, я склонен думать, она его любит. Когда она приехала в Детройт, она была хорошенькая.

Хорошенькая! Его слова показались Декстеру верхом нелепости.

- А разве сейчас она перестала быть... хорошенькой?

- Да нет, она ничего.

- Слушайте, - сказал Декстер, неожиданно садясь. - Я вас не понимаю. То вы говорите, она

была "хорошенькая", то - "ничего". Я не знаю, как вас понять. Джуди Джонс была не хорошенькая, о нет! Джуди Джонс была редкостная красавица. Я ведь знал ее, хорошо знал. Она...

Девлин вежливо засмеялся.

- Да нет, я не собираюсь ссориться с вами, - сказал он. - По-моему, Джуди очень славная, и мне она нравится. Правда, я не понимаю, как мужчина вроде Симмса мог потерять из-за нее голову, но это уж его дело. - И добавил: - Нашим дамам она почти всем нравится.

Декстер пристально вглядывался в Девлина, в голове вертелась сумасшедшая мысль: нет, что-то тут не так, этот человек слеп или, может быть, им движет тайная злоба.

- Многие женщины так быстро отцветают, - сказал Девлин. - Вы, я думаю, и сами видели. Наверное, я просто забыл, какая хорошенькая она была на свадьбе. Мы ведь так часто видимся. У нее хорошие глаза.

На Декстера нашло отупение. Впервые в жизни ему захотелось выпить. Он громко смеялся чему-то, что говорил Девлин, но не понимал, что он говорит и почему это смешно. Через несколько минут Девлин ушел, и тогда Декстер опустился в кресло и стал смотреть в окно, на нью-йоркское небо, где над крышами тлел блеклый красно-золотой закат.

Он-то думал, что теперь, когда ему нечего терять, он наконец стал неуязвим для горя - и вот еще одна потеря, он чувствовал ее так остро, как будто Джуди Джонс стала его женой и на его глазах отцвела.

Мечтать было не о чем. Что-то ушло из его жизни. Он в страхе зажал ладонями глаза, чтобы опять увидеть бегущую по озеру рябь, веранду в лунном свете, голубое платье на дорожке и яркое солнце... увидеть нежный золотой пушок на ее затылке, нежные печальные глаза, ее утреннюю полотняную свежесть, почувствовать под своими поцелуями ее влажный рот. Всего этого уже нет! Было когда-то, а теперь нет.

В первый раз за много лет он заплакал. Но плакал он о себе. Глаза, рот, мелькающие среди волн руки - он жалел не о них. Хотел жалеть о них, но не мог. Возврата не было, слишком далеко он ушел. Двери захлопнулись, солнце село, и в мире не осталось иной красоты, кроме седой красоты стали, над которой не властно время. Он не ощущал даже горя, горе принадлежало стране очарований, стране юности и бьющей через край жизни, где так чудесно мечталось зимой.

- Когда-то давно, - сказал он, - все это во мне было. А теперь ничего нет. Ничего нет, ничего. Я не могу плакать. И жалеть не могу. И всего этого не вернуть.

1922